В «СЕЗОН ОХОТЫ»

не один. Вместе с ним в церемонии — не светской — приняли участие актеры Ральф Уайт, Ли Грант, Говард Хессман и кинорежиссер Берт Шнейдер.

Перед церемонией состоялась пресс-конференция в отеле «Хилтон». Мексиканский врач — женщина рассказала о том, как палачи хунты убили ее студентов-сальвадорцев. Их было одиннадцать человек.

— Наши лидеры глут народу! — восклицал Ральф Уайт. Главный огонь прессы, настроенной явно недружелюбно, был направлен против Аснера.

— Не ущемляет ли политическая деятельность вашу артистическую совесть?

— Я не считаю, что становясь актерами, мы перестаем быть гражданами. В первую очередь я — человек. Если отказ от актерства — цена за то, чтобы остаться человеком и гражданином, то я готов заплатить и такую цену.

И, наконец, Сальвадор. — Я пытаюсь побудить страну перестать вмешиваться в дела Сальвадора. Центральной Америке нужны подлинная земельная реформа, а не наши военные советники. Демократия, а не штыки.

И тут немедленно последовал каверзный вопрос: — Если ваша поддержка революции в Сальвадоре приведет к установлению там коммунистического или марксистского режима, будете ли вы по-прежнему за ее сторону?

Это была провокация, ловушка. Аснер впоследствии именно так оценивал заданный ему вопрос. «Они заехали в засаду, подстерегая меня», — говорил он. Но не дрогнул, не испугался.

— Каждый народ вправе избирать тот строй, который ему по душе. Если сальвадорцы предпочтут марксизм и коммунизм, я вполне готов принять это как должное. Но прежде всего у них должна быть свобода выбора. А именно этого-то их и лишают сейчас.

Аснер отлично сознавал, что, делая подобное заявление, он переступает невидимую, но тем не менее весомую грань дозволенного, переходит из разряда либералов, для которых иную мысль лишь блажь да хобби, в разряд «антиамериканцев». Сие в Штатах всегда опасно, а тем более в восьмидесятых годах, когда волна реакции захлестывает и Вашингтон, и Голливуд.

В Голливуде начался «сезон охоты» на Аснера. На стенах здания штаб-квартиры Гильдии киноактеров стали появляться провокационные плакаты, на которых под портретом актера красовались слова: «Я — коммунистическая свинья». В кампанию травли немедленно подключилась реакционная печать. Колаумнист лос-анджелесской «Геральд экзаминер» Ричард Уинстон писал, например, следующее: «Слабонервные типы с подгибающимися коленками и склонностью к левизне, вроде Эда Аснера, пичкают нас ложью, помогают коммунистам и убаюкают их, пытаются замутить проблему Сальвадора». Еще один обозреватель истерически вопил, что «посылка американских долларов сальвадорским повстанцам, независимо от гуманитарных побуждений Аснера, граничит с государственной изменой». Это было уже не критические или полемические статьи, а элементарные доносы.

«СЕЗОН ОХОТЫ» вполне может стать реальным «сезоном отстрела». В адрес Аснера — и домашний на Мэлхольд-Драйв, и студийный, и

профсоюзный — поступают письма, анонимные авторы которых угрожают физической расправой. Непрерывно звонит телефон — оскорбления и даже «обещания» резать «коммунистическую свинью».

Офис — уборная Аснера в съемочном павильоне «Си-би-эс» напоминает бункер. К актеру приставлены телохранители. Весь съемочный коллектив нацелил опознавательные жетоны, без которых вход на территорию «Си-би-эс» запрещен. Впрочем, инициатор этих мер предосторожности не Аснер. Заботу об его персоне проявляют боссы «Си-би-эс». Не потому, что они без ума от Аснера и тем более от его политических взглядов, а потому, что инвестировали в его серию огромные капиталы. Серия имеет успех, а следовательно, привлекает рекламодателей. И, боже упаси, если что-нибудь стрясется с Эдом Аснером, если какой-то фанатик уберет курицу, несущую золотые яйца! Вот вам еще один парадокс американского образа жизни, когда заклятый враг является одновременно и «аклятым другом», и «коммунистической свиньей», и дойной коровой. Это уже не просто комедия, а трагикомедия здешних нравов — «ястребы» от бизнеса загораживают своим крылом курицу, несущую золотые яйца, от политических «суперястребов». Такого и нарочно не придумаешь!

Эд Аснер продолжает сражаться. Это человек и актер не робкого десятка. Посмотрите хотя бы на стены его уборной, превращенной логикой по-

литической борьбы в бункер. Рядом с семейными фотографиями плакат: «В Сальвадоре американским оружием убивают американских монахинь». Рядом с групповым портретом актеров, занятых в серии «Лу Грант», вырезка — заголовок из «Лос-Анджелес таймс»: «Сенсация! Убийство монахинь — дело рук солдат хунты!» А под ним слова, приписанные рукой Аснера: «Какая это к черту сенсация?!»

Аснер, впрочем, не называет свою уборную бункером.

— Прошу в мое чистилище, — шутиво говорит он посетителям.

В этой шутке заложен большой смысл. Эд Аснер считает, что он кругом в долгах — перед людьми, перед актерами, перед самим собой, своей совестью, перед прошлым. Ему стыдно за то, что он молчал, когда шла манквартистская травля его коллег в Голливуде, что он молчал в годы американской агрессии во Вьетнаме, что он молчал в дни уотергейтского скандала.

— Внутренний голос, этот предатель под маской друга, нашептывал мне: «Не говори слишком громко, не повышай голоса. Так надежнее». И я повиновался ему, оправдывая себя тем, что так и впрямь будет лучше для карьеры и для семьи...

Но ни предательский «внутренний голос», ни внешние события — успех, слава, деньги — не убили в Эде Аснере простую человеческую совесть, которую, ах, нам не просто сохранить незапятнанной и бескомпромиссной в мире напота. Нельзя сказать, что сальвадорский набат разбудил ее. Она никогда не спала в душе Эда. Но даже дремлющая совесть — грех. Вот почему Аснер предпочитает называть свою артистическую уборную не бункером, а чистилищем...

Актера Эда Аснера обвиняют в том, что он «привносит

политику в дела кинематографические, «политизирует» деятельность возглавляемой им гильдии. Но обвинители сами грешат тем же. «Грех» Аснера не в том, что он занимается политикой, а в том, что его политические взгляды не устраивают ни Голливуд, ни тем более Вашингтон.

Диву даешься, слушая лицемерные разглаживания представителей голливудского «истэблшмента» по поводу того, что Аснер якобы первый, кто осмелился замутить политическую злобой дня тихие заводи чистого искусства и сокрушить гильдию, эту «непорочную деву» с профсоюзным билетом вместо «пояса воздержания». Нет, не короткая память, а нечистая совесть и еще более нечистые помыслы лежат в основе этих причитаний. «За все сорок семь лет существования гильдии мы не знали, что такое политика и протесты. Никто не требовал отъезда ее президентов. Никто не бил наши стекла. Не было всего этого, пока на нашу голову не свалился Эд Аснер», — жалуется, например, Роберт Конрад, играющий смельчаков-героев на экране и празднующий труса в жизни.

Движение за отзыв Аснера возглавляет все тот же кинематографический Чарлтон Хестон. Но его зычным голосом говорит крайняя реакция.

— Дело актеров — играть, дело актеров-профсоюзников — защищать интересы своих коллег. Ведь девяносто процентов членов гильдии не имеют работы. Серьезные профессиона-

лы нашего цеха не хотят вмешиваться в дела Сальвадора и иные политические проблемы. Я плохо знаю Аснера, но, по видимому, он очень озлобленный и весьма вспыльчивый человек, и ведет он себя в гильдии, как главарь мафии, — говорит Хестон, этот великий мастер полуправд.

Да, актеры должны играть, но что? Да, актеры-профсоюзники должны защищать интересы своих коллег, но как? Это не Аснер повинен в том, что девяносто процентов членов гильдии — безработные. Он дерется, как лев, за их право на труд, актерский труд, против тех, кто привел страну на грань кризиса, связавшего в один узел-удавку голливудских артистов с автомобилестроителями Детройта и сталеварами Пенсильвании. Чарлтон Хестону хорошо известно об этом. Именно ему поручена ампутиация из бюджета США расходов на культурные цели. Мафия? Конечно, она существует в Голливуде, как и повсюду в Америке. Мафия, так сказать, ординарная и мафия экстраординарная, крестным отцом которой был и остается Джо Маккарти.

Да, Аснер вспыльчив. Но он не озлоблен, а разгневан и не оглаживается во гневе на авторитеты и этикет. Для него Хестон и компания — в лучшем случае «подонки и фашисты, маскирующиеся под консерваторов». Аснер сталкивался и продолжает сталкиваться с ними на каждом шагу. И в жизни, и в искусстве.

ЛОС-АНДЖЕЛЕС —
ВАШИНГТОН.